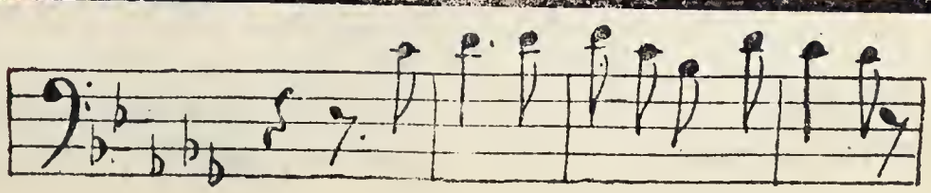
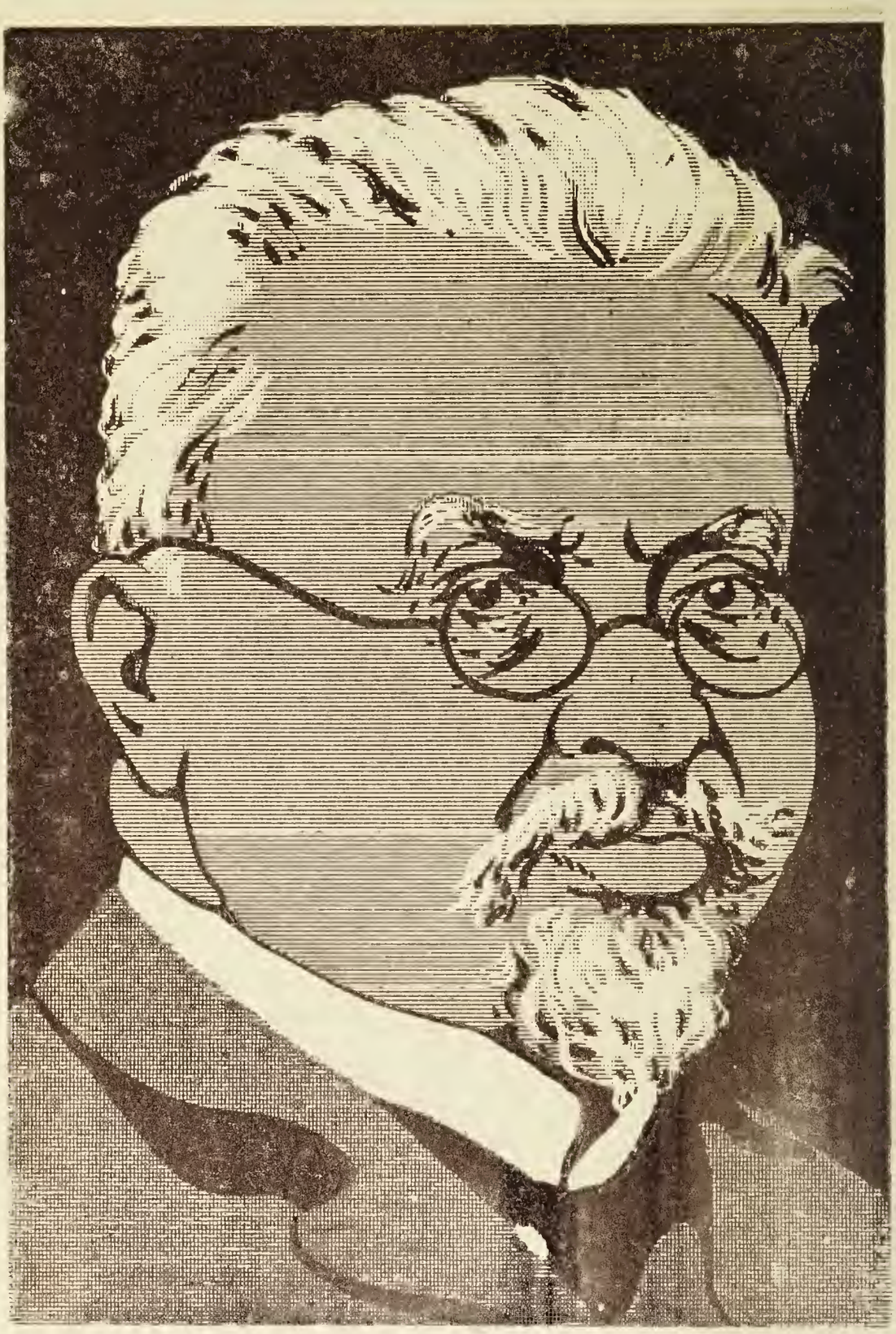
№ 5.
1906 г.

АРГУСЪ

Цѣна
10 коп



О, дай-те, дай-те мнѣ-сво-бо-ду.



И. И. Петрункевичъ

Настроенія дня.

Я пріѣхалъ сюда изъ нѣдръ земли.

Въ вашъ Петербургъ, на который мы—провинція—смотрѣли всегда то съ надеждой, то съ тревогой.

Жаловаться? ходатайствовать, ждать вашей ласки, вашей величественной улыбки, съ тѣмъ, чтобы въ сомкнутомъ кругу сѣрыхъ и наивныхъ дѣтей земли—разсказать, какъ много обѣщаетъ намъ ваша улыбка?...

Нѣтъ, мы тоже эволюціонируемъ,—я хочу вамъ сказать, чтобъ упрекнуть васъ, чтобъ пристыдить васъ, чтобъ потребовать у васъ.

Вы насъ сами научили своими резолюціями.

Но вы сыны Петербурга—всезнайки. Я не могу вамъ разсказать ничего такого, чего бы вы не знали изъ телеграммъ.

О томъ, что у насъ въ судахъ забыли право—нѣтъ правосудія.

О томъ, что люди сидятъ въ тюрьмахъ—наши лучшіе люди. Вы это знаете.

О томъ, что наши правители шутятъ словами: „я васъ повѣсить собираюсь, а вы заграничнаго паспорта просите!"

Я заявляю, что мы дѣти провинціи чувствуемъ себя въ подземельѣ, точно въ чумномъ городѣ, гдѣ каждый ждетъ лишь своей очереди.—Вы это знаете.

Но вы—люди синтеза и для васъ нашъ вопль есть статистическая единица, плюсъ къ наростанію негодованія, логическій процессъ реакціи.

Мнѣ не нравится этотъ шумъ столицы, какъ-бы не чуящей, сколько горя въ странѣ.

Петербургъ воспринимаетъ все мозгомъ, но онъ никогда не былъ сердцемъ Россіи.

Потому, что, пульсируя, сердце страны должно было-бы разорваться отъ горя или—вскипѣть огненнымъ негодованіемъ.

Вы умѣете уязвить враговъ, вы способны поучить, но влить огненную струю вы неспособны.

И если вы не съумѣете быть тѣмъ Петербургомъ, какимъ вы должны быть, то повѣрьте, что мы—провинція—съумѣемъ стать сами сердцемъ страны. Ça ira!

Альфа.

Послѣдній исходъ.

Русскій Меркурій: — Хорошій господинъ! Одолжите хоть сколько нибудь л'аржановъ подъ мой жезлъ, а то нечѣмъ будетъ новыхъ налоговъ платить!

(Къ проэкту налоговъ).

Наши бюрократы.

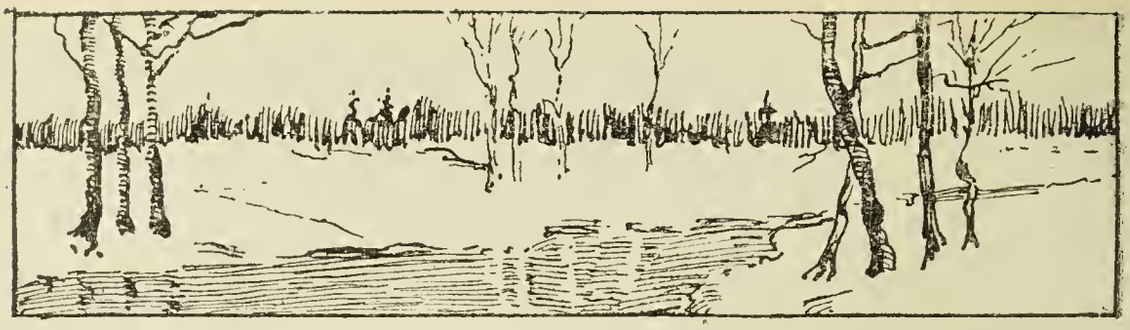
Кучеръ нѣкоего бюрократа переѣхалъ какого-то старикашку. Докторъ объявляетъ, что ему остается жить еще нѣсколько часовъ.

— Несчастный!.. Я назначу ему пожизненную пенсію! воскликнулъ бюрократъ въ порывѣ великодушія.

Благоразумный совѣтъ.

— Да, что-же, матушка, ужъ поѣду еще разъ заграницу спасатъ тебя, но за это ты сдѣлай меня премьеромъ.

— А я бы тебѣ совѣтовала сдѣлаться прежде всего умнымъ премьеромъ, а спасеніе тогда само собой придетъ.



ПОѢЗДЪ.

Окончаніе *).

По мѣрѣ приближенія поѣзда буря различныхъ думъ охватывала стоящаго на мосту человѣка.

Мысли, быстрыя какъ молнія, носились въ мозгу.

— Все летитъ! — шепталъ онъ — какъ бы мстить хочетъ!... О Боже! зачѣмъ?....

Онъ понималъ, что ничто не могло унять страшной быстроты хода поѣзда, кромѣ только одной силы, силы человѣческой, осязательной, которая одна въ состояніи была побѣдить слѣпыхъ боговъ.

Онъ весь стремился къ этой борьбѣ и силы росли въ немъ; ему казалось что онъ подымается къ самымъ облакамъ а звѣзды висятъ надъ челомъ его. Кровавая луна вышла изъ-за лѣса. Въ ея фантастическомъ блескѣ, освѣщающемъ тьму ночную, одинокій человѣкъ, стоящій на мостикѣ, производилъ впечатлѣніе привидѣнія. Лицо его было бѣло какъ мраморъ, а глаза метали молніи. Во всей его нагнувшейся впередъ фигурѣ, въ быстромъ вздыманіи груди, во взглядѣ, напряженно вглядывающемся въ рефлекторы приближающагося поѣзда, — видно было приготовившаго къ борьбѣ, на жизнь и смерть, сильнаго человѣка.

Черезъ нѣсколько секундъ локомотивъ былъ всего на разстояніи сажени отъ мостика

На лицѣ стоящаго на мосту человѣка отражалась непоколебимая рѣшимость. Быстро приблизился онъ къ растущему у конца мостика, надъ полотномъ дороги, одинокому дереву, согнулся весь, какъ бы готовясь къ какому-то отчаянному прыжку и...

. . . . . .

Но въ эту минуту дымъ густымъ клубомъ вырвался изъ трубы приблизившагося поѣзда и окуталъ все непроницаемой темнотой.

Между тѣмъ Ришвиль переживалъ тяжелыя минуты, полныя тревоги и отчаянья.

Зловѣщія вѣсти съ быстротой молніи облетѣли весь городъ, наполняя его горемъ, отчаяніемъ и слезами!

Во всемъ городѣ не было ни одного человѣка въ этотъ вечеръ, у котораго въ несчастномъ поѣздѣ не было-бы частички своей плоти, крови и сердца въ лицѣ своихъ дѣтей. И, несмотря на наступившую уже глубокую ночь, въ городѣ никто не спалъ.

Часть жителей оставшихся дома наполняла всѣ балконы своихъ домовъ, вглядываясь въ непроницаемую тьму, шепча молитвы, прося у Бога чуда; другая часть, находящаяся на вокзалѣ, представляла собою безсмысленную, разряженную толпу, автоматически двигающуюся въ мучительномъ ожиданіи чего-то, чего они сами даже и не сознавали.

---

*) См. №№ 3 и 4 Аргуса.

Нѣкоторые думали:—хоть бы конецъ какой, лишь бы скорѣе!

На перронѣ собрались всѣ представители города; войско было разставлено вдоль полотна дороги.

Женщины съ разстрепанными волосами и безумными глазами, въ помятыхъ туалетахъ, съ поблекшими цвѣтами на груди и въ рукахъ, срывали съ себя драгоцѣнности и бросали въ рѣку, какъ-бы желая ее умилостивить, или какъ-бы стыдясь роскоши своихъ одеждъ въ день смерти своихъ дѣтей.

Минутами раздавались лихорадочные возгласы:

— Зачѣмъ углубили рѣку?—Отчего нѣтъ моста на противоположный низкій берегъ?

Пароксизмъ безумія проходилъ, толпа затихала; моментъ былъ трагическій!

На перронѣ царила тишина. Однѣ лица горѣли лихорадочнымъ румянцемъ, а зубы отбивали дробь; по лицамъ другихъ, блѣднымъ какъ полотно, катились тихія, крупныя слезы.

Электрическія лампы лили голубоватые потоки свѣта на всѣ эти измученныя физіономіи. Стеклянные своды вокзала блестѣли позолотой фресковъ, а среди раздававшихся то тутъ то тамъ рыданій громко стонали колокола церквей города Ришвиля, бьющихъ тревогу.

Вотъ одинъ старикъ, у котораго ѣхали въ злополучномъ поѣздѣ правнуки, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, упалъ на колѣни. Въ это время кто-то крикнулъ раздирающимъ душу голосомъ:

„Идетъ!"

„Идетъ!" Страшный крикъ вырвался изъ груди всѣхъ, всѣ какъ подкошенные попадали на колѣни.

— *Отче Нашъ, иже еси на Небесѣхъ!* стоналъ старикъ.

— *Отче Нашъ, иже еси на Небесѣхъ!*—повторяли всѣ уста среди рыданій, вознося глаза полные слезъ къ Небу.

— *Да святится Имя Твое*—рыдая какъ ребенокъ молился старикъ.

Толпа повторяла за нимъ слова молитвы.

— *Да Пріидетъ Царствіе Твое*—говорилъ старикъ, понижая голосъ.

— *Да будетъ Воля Твоя, яко на Небесѣхъ*—прошепталъ онъ и вдругъ замолкъ, почувствовавъ, что никогда до сихъ поръ не искалъ ни *Имени*, ни *Царствія*, ни *Воли Божьей* на землѣ, а богохулить не смѣлъ, такъ какъ вдали мигали ему все яснѣе и яснѣе зловѣщіе глаза приближавшагося поѣзда.

— *И остави намъ долги наши яко и мы оставляемъ должникамъ нашимъ...* началъ опять старикъ и.... и схватилъ свою голову обѣими руками.... Прости мнѣ эту ложь!... О Господи!... простоналъ онъ и рухнулся на каменнный полъ.

Толпа рычала, обезумѣвшая до того, что не могла даже продолжать молиться.

Между тѣмъ поѣздъ влеталъ уже подъ своды вокзала.

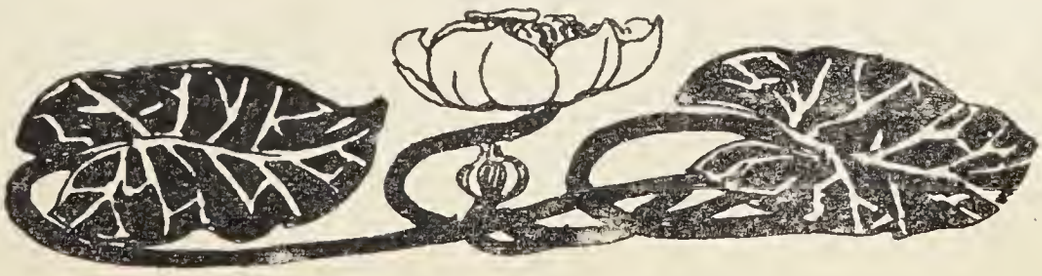
Новый бурный взрывъ отчаянія раздался въ воздухѣ, всѣ попадали ницъ. Стало страшно; только колокола жалобно заливались и глухо пыхтѣлъ ошалѣвшій локомотивъ, разстилая дымъ на упавшія на полъ тѣла.

Вдругъ рѣзкій свистъ прорѣзалъ воздухъ.

Моментально смолкли всѣ колокола Ришвиля. Заторможенный сильной рукою поѣздъ остановился какъ вкопанный, на самомъ краю обрыва, надъ рѣкой.

А когда дымъ разсѣялся, на локомотивѣ, освѣщенный двумя рефлекторами, стоялъ человѣкъ.

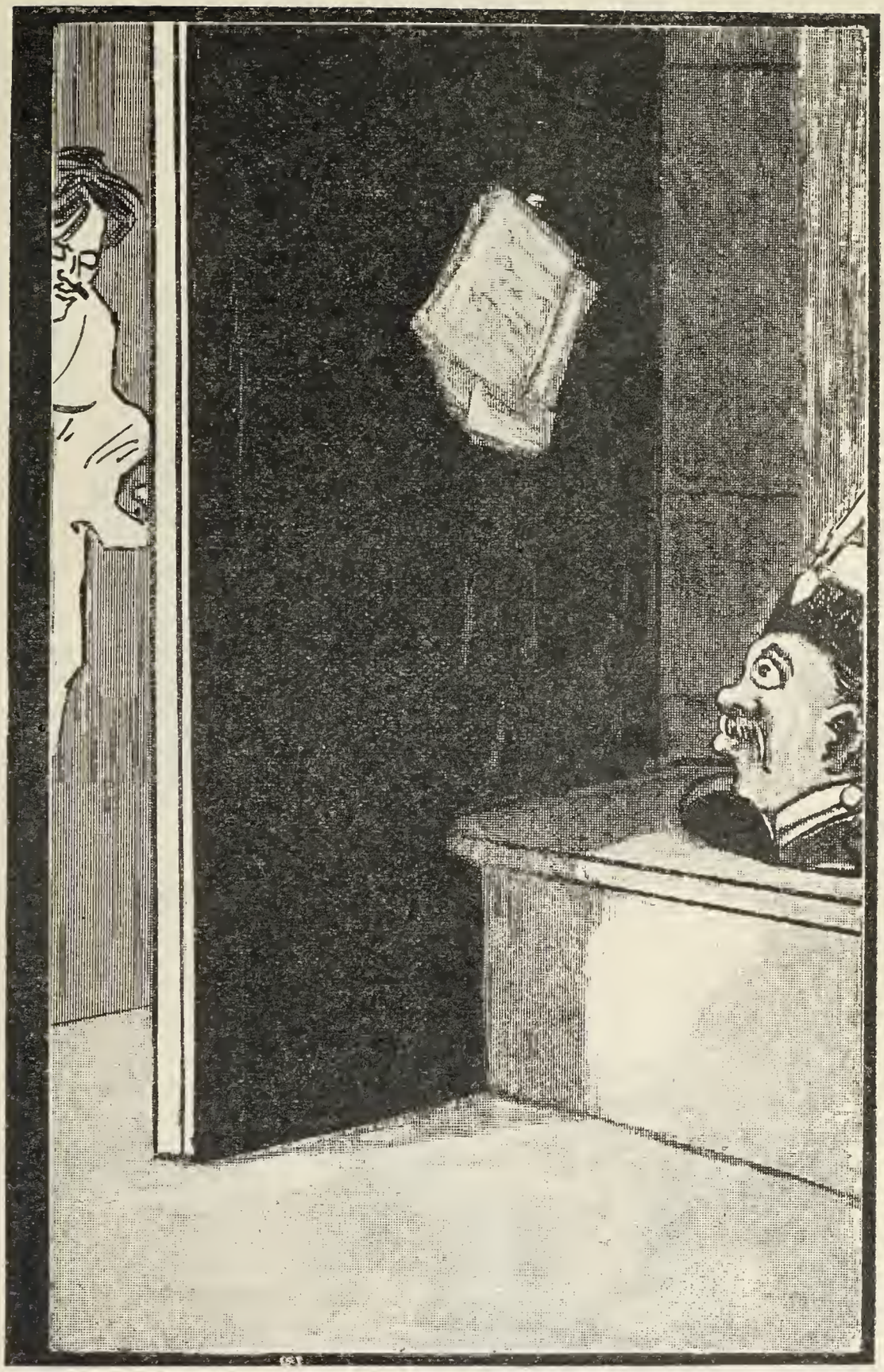
Сѣрая куртка была разстегнута у него на груди; на вискахъ выступали натянутыя жилы—а лицо все свѣтилось счастьемъ, радостью и торжествомъ!!!...



Напуганные.

— Это собачка маленькая... Погладь ее, Жоржикъ; не бойся...

— Нѣтъ! Папа сказалъ, что въ наше реакціонное время надо всего бояться!



Современное положеніе россійскаго свободнаго гражданина.

О чемъ молится гр. Витте.

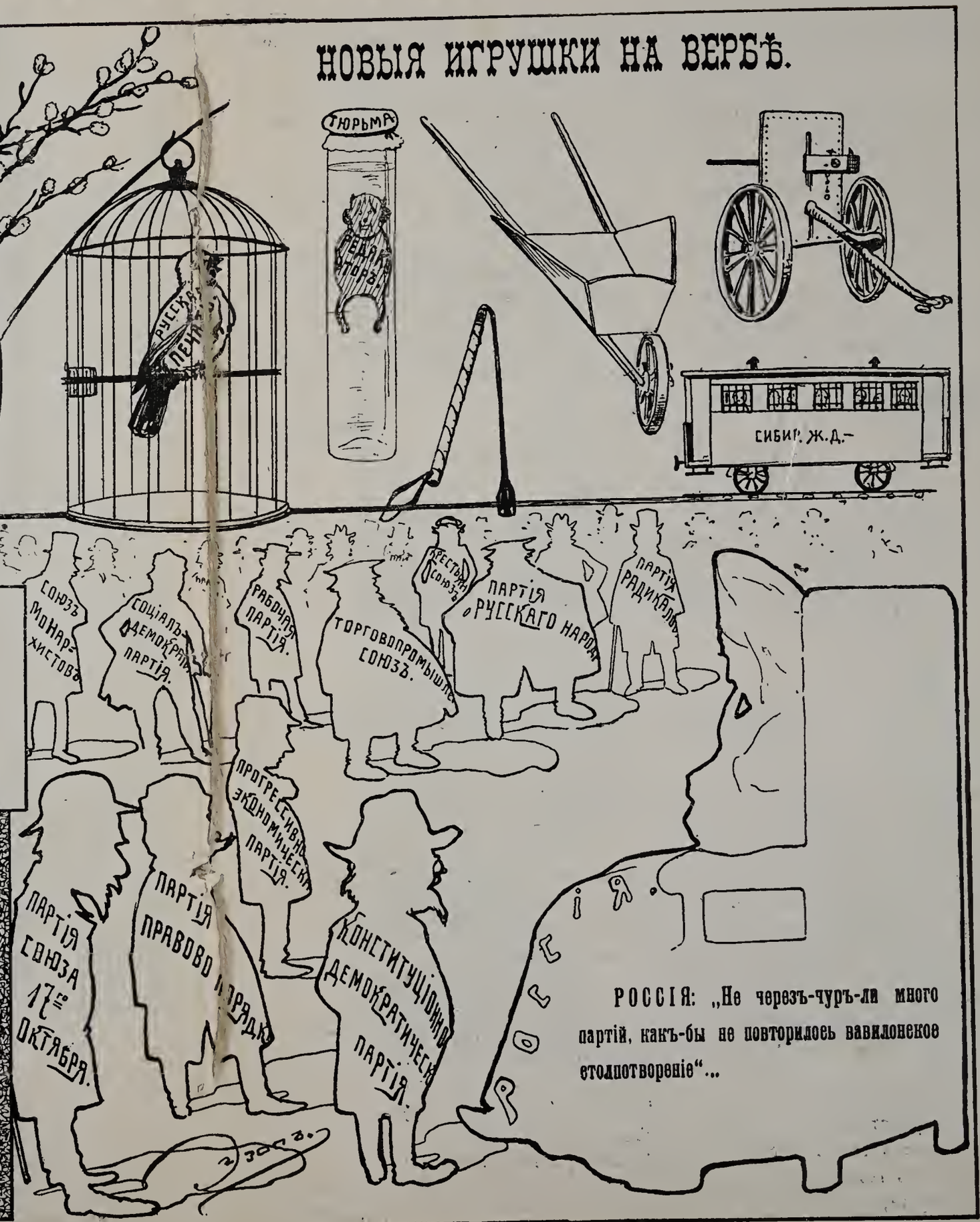
Господи, я теряю память! Пошли Государственной Думѣ, чтобы она также потеряла память о моихъ дѣяніяхъ!

НЕДѢЛЯ АРГУСА.

НОВЫЯ ИГРУШКИ НА ВЕРБѢ.

— Я тебя подлеца за шалости сейчасъ вербой!...
— Но папа, а законъ о неприкосновенности личности....
— Э-э-э! братецъ, онъ еще только въ проэктѣ

Одинъ изъ пріемовъ вербовки выборщиковъ въ Государственную Думу.



РОССІЯ: „Не черезъ-чуръ-ли много партій, какъ-бы не повторилось вавилонское столпотвореніе“...

Пословицы и поговорки.

Не плакать, не смѣяться, а негодовать.

Если хотите мира, уберите реакціонныхъ министровъ.

Семь бѣдъ—одинъ Нейдгартъ.

Тише ѣдешь, потомъ попрыгаешь.

Рыбакъ рыбака видитъ издалека, Союзъ 17-го октября вошелъ въ блокъ съ правовымъ порядкомъ.

Не любо не слушай, а вѣшать не мѣшай.

Не плюй въ колодезь, придется въ немъ топиться.

Изъ двухъ ретроградовъ не выбирай никого.

Ты все пишешь, это дѣло, такъ поди-же посиди!

Началъ за конституцію, кончилъ 129 ст. Уложенія!

Одинъ умъ хорошо, а два жандарма еще хуже.

Новичекъ.

Все не по адресу.

Чудеса творятся братцы
Непонятные уму,
Почта сданная въ Калугу
Доставляется въ Тотьму.
Если въ Думу депутата
Назначаютъ—не дойдетъ,
То въ Архангельскъ угадаетъ
То въ кутузку попадетъ!

НАОБОРОТЪ.

Въ тюрьмахъ густо,
Въ кассахъ пусто,
Какъ нескажешь: вотъ
Славно-бъ тоже
Создалъ Боже,
Да—наоборотъ!

И НАМЪ БЫ ВПОРУ.

Двѣ особы толковали,
О событіи московскомъ:
Ваше-ство, хе-хе читали
О набѣгѣ молодцовскомъ?
Ну еще-бы.— безподобно!
Розыграли какъ по нотамъ,
Власть оставя съ неудобнымъ
Эпитетомъ идіота...
Хе-хе-хе, какая тема
Для недремлющей сатиры!
Руки вверхъ, отъ страха нѣмы...
Позабавились задиры!
Ваше-ство, а кушъ солидный
Не крамольнику-бъ иль вору
Его скушать не обидно...
Хе-хе-хе, и намъ бы впору!

Ф. Куликъ.

Охрана на высотѣ.

Одесская картинка.

ВЗРЫВЪ БОМБЪ.

(Страшный сонъ начитавшагося газетъ буржуа).

Ему приснилось, будто-бы онъ разгуливаетъ по залу кафе-шантана. Многочисленныя мѣстныя гуріи и пѣвички, уловляющія въ свои сѣти пріѣзжающихъ „кавалеровъ“, при появленіи его начали сильно обстрѣливать его своими подведенными „браунингами“.

— Душка штатскій, что вы гуляете одинъ?.. мужчинка, угостите насъ коньячкомъ?! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Онъ не прочь былъ заинтересоваться которою нибудь изъ этихъ хотя и не очень милыхъ, но очень податливыхъ созданій но выборъ былъ такъ великъ, что онъ не скоро могъ-бы остановиться на которой нибудь изъ нихъ, если-бы взоръ его не упалъ на одну довольно эффектную особу, сидѣвшую въ сторонѣ у столика.

Онъ присѣлъ къ тому-же столику, визави съ интересной особой и самъ заговорилъ съ нею. Вблизи она была еще интереснѣе: громадная шляпка, пепельные волосы и каріе, точно двѣ шоколадныя конфетки, глаза—производили слегка опьяняющее впечатлѣніе. Но больше всего увлекшагося обывателя очаровалъ ея бюстъ! Это былъ такой пышный, такой роскошный бюстъ!

Черезъ полчаса они уже шли подъ руку, удаляясь въ отдѣльный кабинетъ, такъ какъ ревнивый кавалеръ хотѣлъ укрыться отъ нескромныхъ взоровъ, опасаясь въ тоже время, что кто-нибудь можетъ похитить у него его „сокровище“.

Они долго и весело болтали и пили шампанское. Наконецъ, онъ увлекъ ее въ свои объятія и приникъ къ ея пышному бюсту, какъ вдругъ... у него мелькнула страшная мысль на счетъ ея бюста:

„А вдругъ это у нея... бомбы?“

И въ то же мгновеніе, дѣйствительно, раздался трескъ, ему показалось, что это и на самомъ дѣлѣ были бомбы, взорвавшіяся при его прикосновеніи, а онъ самъ разлетѣлся на нѣсколько частей.

Въ ту-же минуту онъ проснулся и только когда пришелъ въ себя, то понялъ все происшедшее: это сорвалась со стѣны висѣвшая надъ оттоманкою „Нимфа“ и разбила до крови носъ своему заспавшемуся владѣльцу.

Каэмъ.

Современный разговоръ.

Въ одну изъ редакцій является самый современный писатель, выдвинутый жизнью, благодаря событіямъ нашихъ дней и предлагаетъ свое сотрудничество.

— Вы какихъ, однако, взглядовъ придерживаетесь? спрашиваетъ редакторъ.

— Я, несомнѣнно, прогрессивныхъ...

— Да... вотъ что... мы вѣдь тоже... прогрессируемъ, но въ общемъ консерваторы.

— А почемъ платите за строчку?

— Гривенникъ.

— Порядочно... въ такомъ случаѣ я могу быть прогрессивнымъ консерваторомъ!

Наказаніе непримѣнимо.

— По римскому праву „Lex Remmia“, за клевету на лбу выжигали букву К.

Увы! въ настоящее время это прекрасное наказаніе непримѣнимо, такъ какъ большинство клеветниковъ обладаетъ мѣдными лбами.

Ненадежное обѣщаніе.

— Я твоя истинная подруга, моя дорогая сосѣдушка!

— Подруга, а сама денегъ не даешь взаймы!

— Зачѣмъ я тебѣ буду взаймы давать, когда у тебя такая хорошая шуба, которую ты можешь заложить! Вотъ когда у тебя заложить будетъ нечего, тогда я и безъ залога дамъ!

Предвыборная агитація.

Призывные звуки современнаго Орфея трехъ П, выступившаго подъ флагомъ союза 17-го октября, привлекали громадное число слушателей.

Кухарка и пожарный на кухнѣ.

— Вы Акулина Петровна все продолжаете любить своего Митрошу, а на меня и смотрѣть не хотите! За что такая немилость? намъ это обидно-съ.

— Чтобъ вамъ не было обидно, сдѣлайте въ моемъ сердце обыскъ и конфискуйте ненавистнаго вамъ Митрошу!..

На дѣлѣ.

— Съ удовольствіемъ бы я стащилъ этотъ дорогой портсигаръ, но боюсь.

— Чего?

— Поймаютъ и засадятъ.

— Не бойся, ничего не будетъ съ тобой, теперь всѣ тюрьмы вездѣ переполнены и нигдѣ нѣтъ мѣста.

Широкія полномочія.

— Позвольте васъ обыскать, сударь!

— Что такое?! Я—членъ партіи правового порядка и потому самъ имѣю право даже тебя обыскать!.

АРГУСЪ

художественный политическій сатирическій журналъ.

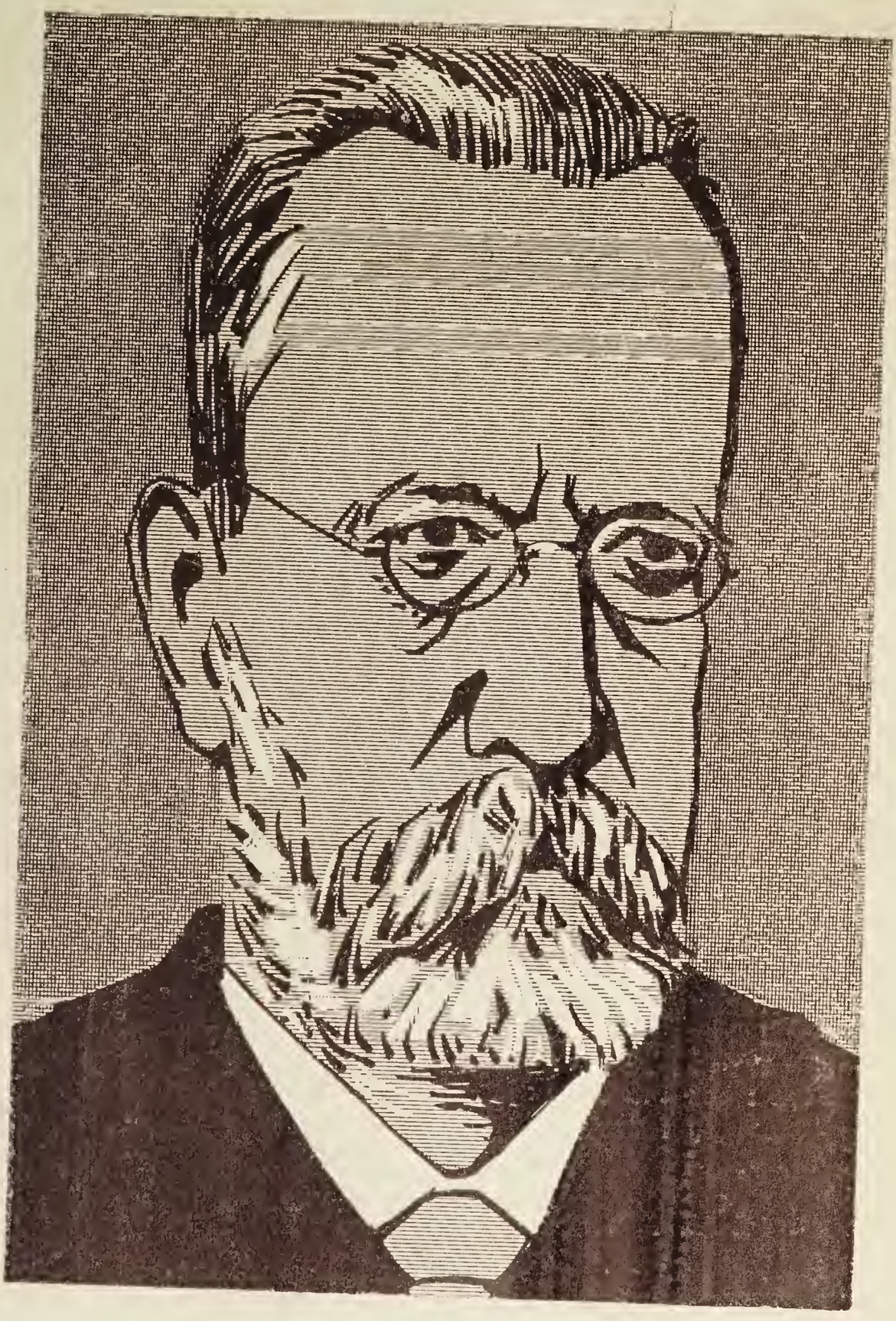
Выходитъ каждую Субботу. Подписная цѣна на 3 мѣс. ОДИНЪ РУБЛЬ.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: С.-Петербургъ, Фонтанка 68.

Телефонъ № 2424.

Редакторъ-Издатель Кандидатъ правъ *С. А. Чиколини.*

Печатано въ типографіи С. А. Чиколини. С.-Петербургъ, Фонтанка 68.



D. H. Munroe.

3
19037/35

„Связали ему руки бѣлыя
„Во крѣпкіи повязки шелковыя".

„Вскочилъ въ полдерева стоячаго
„Изорвалъ повязки на могучихъ плечахъ".

(Илья Муромецъ).